

Mrázek, Roman

Проблема сказуемого и его классификации: (на материале русского и чешского языков)

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1958, vol. 7, iss. A6, pp. [10]-34

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101466>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРОБЛЕМА СКАЗУЕМОГО И ЕГО КЛАССИФИКАЦИИ

(На материале русского и чешского языков)

1. Одной, весьма важной областью синтаксиса, которая до настоящего времени не получила удовлетворительного и системного разрешения и которой следует уделять с теоретической точки зрения особое внимание, является учение о членах предложения. Необходимость критического пересмотра существующего понимания членов предложения отмечается В. В. Виноградовым и в последнее время А. Б. Шапиро.¹ Мы считаем, что исходным пунктом для дальнейшей разработки этой отрасли синтаксиса следует сделать категорию сказуемого, как одного из двух главных членов предложения.

В статье *К теории именного сказуемого*² нами рассматривались некоторые вопросы, связанные с именным сказуемым с чистой связкой. В предлагаемой статье мы опираемся на высказанные здесь выводы и занимаемся также другими видами сказуемого в целом. Нам хотелось бы дать обзор, сопоставление встречающихся концепций сказуемого, в особенности в русской и чешской синтаксической традиции, и наметить решение, которое способствовало бы продвижению вперед исследования данной проблематики и устранению разнобоя в терминологии. Продолжением и завершением богатой русской синтаксической традиции является разработка синтаксиса в академической *Грамматике русского языка*, во втором томе которой³ категории сказуемого посвящен весьма обширный раздел. Поэтому понятно, что при наших изложениях мы неоднократно будем ссылаться на концепцию сказуемого в этом произведении.

2. Наиболее ясным является сказуемое, выраженное определенной формой полнозначительного глагола в предложениях типа *Ученик пишет*, или же именит. падежом существительного со связкой *быть*, в предложениях типа *Математика есть наука; Мальчик был болен*.

Последний вид сказуемого под влиянием логики прежде признавался прямо основным, так как схема двусоставного предложения с таким сказуемым находилась в полном соответствии со схемой логического суждения: субъект — связка — предикат, между тем как глагольное сказуемое рассматривалось как производная разновидность (*Ученик пишет* — „*Ученик есть пишущий*“). В силу общности в большинстве современных индоевроп. языков сказуемого типа (*Ученик*) *пишет*, (*Математика*) *есть наука* утвердилось мнение, будто необходимой составной частью всякого предложения должен быть глагол (полнозначительный или связочный), другими словами сказуемость, предикативность отождествлялась с глагольностью. Отсутствие глагола объяснялось его пропуском или предполагалось его наличие в мысли. Этот широко распространенный взгляд нашел в русском языкознании своего наиболее последовательного представителя в А. А. Потемне⁴ и отражался также в учении русских синтаксистов о составном именном сказуемом; в той или иной форме с подобным взглядом можно встретиться до настоящего времени. Однако

благодаря исследованиям в области чисто номинальных предложений и благодаря доказанию их генетической исконности автономность предиката (в двусоставных и односоставных предложениях) без глагола, без связки получила немалую поддержку. Эти исследования связаны с именами А. В. Попова, К. Лугебиля, И. Зубатого, А. Мейе, Ж. Блоха, а позднее также других.⁵ В русском языке вслед за А. В. Поповым мысль о необходимости признавать автономность чисто именного предиката была выдвинута в особенности А. А. Шахматовым.⁶

3. Однако именное сказуемое в схеме: „именит. падеж существительного — форма глагола *быть* — именит. падеж имени“ повлекло за собой в синтаксической теории немало осложнений и разногласий. Мнения по этому вопросу разделились, в сущности, по двум направлениям: к комплексному и некомплексному пониманию именного сказуемого.

1. Согласно первой концепции то обстоятельство, что глагол *быть* не обладает здесь никаким лексическим значением (исконно, однако, это было не так) — в кочевном счете явление семантическое, и вместо связки можно поставить другой глагол отвлеченного или менее отвлеченного значения, при незначительном сдвиге смыслового содержания всего сообщения: *Кир был царь* — „*Кир стал царь*“; *Он был прав* — *Он оказался прав*; *Мальчик (есть) болен* — *Мальчик лежит болен*. В смысле этих соображений с точки зрения формально синтаксической предикативное имя выступает в общем одинаково во всех случаях, и если, следовательно, в одном случае сказуемым признается цельность глагола *быть* + имени, допустимо считать одним целым также сочетание имени с другими глаголами вообще. Это концепция, которая понимает именное сказуемое более или менее широко, комплексно, как один член предложения, пусть даже его составные части обозначаются теми или другими названиями. В нерусском языкознании, напр. в чешском, к подобной концепции наблюдаются определенные тенденции,⁷ в русском же языкознании эти тенденции проявились в общем сильнее, и комплексная концепция была доведена до крайностей в *Академической грамматике*. Этой концепции способствовало в русском языке, повидимому, и то обстоятельство, что здесь имеется большее количество глаголов с весьма отвлеченным значением, которые функционируют в качестве заместителей, супплентов несуществующих флексивных форм глагола *быть* в настоящем времени, и появляются также в других временных значениях.

2. Противоположная, равным образом последовательная установка, подсылаемая при замене глагола *быть* другими глаголами, состоит в том, что сказуемым считается по аналогии со случаями, содержащими полнознаменательный или полузнаменательный глагол, всегда только глагол, следовательно в конце концов даже чисто связочный, а предикативное имя согласно этому считается особым, второстепенным членом предложения. Подобная, некомплексная, „атомизирующая“ концепция преобладала довольно долгое время напр. в чешской и словацкой синтаксической традиции;⁸ однако в настоящее время связка *быть* уже не воспринимается здесь как сказуемое.

Другие точки зрения представляют компромисс между указанными двумя крайними концепциями: составное именное сказуемое ограничивается лишь сочетаниями имени с некоторыми глаголами, так наз. связочными в более широком смысле слова, или же сказуемое в тех самых случаях называется *глагольно-именным*, или, наконец, оно понимается в очень широком объеме, но за его составными частями признается характер самостоятельных членов предложения,⁹ образующих одно смысловое и синтаксическое целое.

В указанном двойном возможном подходе заключается вся суть проблематики именного сказуемого, и не только именного, но и глагольного сказуемого, так как комплексное или некомплексное понимание именного сказуемого имеет непосредственное значение при определении объема глагольного сказуемого. Мы уверены, что последовательная комплексная концепция сказуемого, когда одним членом предложения признается сочетание имени даже с полнознаменательным глаголом (типа *Я пришел усталый*; *Она вернулась в родное село учитель-*

ницей; Ребенок родился слепым), является неоправданной. Она имеет, быть может, некоторые практические преимущества, однако влечет за собой упрощение фактически существующих синтаксических отношений и является источником некоторых противоречий и пробелов, отражающихся также при изложении словосочетаний.

4. Наряду с отмеченным ядром проблематики сказуемого имеется еще целый ряд частных вопросов. Один из них — это вопрос о том, относится ли к глагольному или именному такое сказуемое, которое выражено причастием на *-н*, *-т* или *-м*.¹⁰ В нем выступает на передний план или значение действия, т. е. активный признак (*Ваша работа будет проверена; Предложение было принято; Известно, ты обуреваем страстью* Тургенев), или значение результативное, качественное, т. е. пассивный признак (*Урок написан; Когда я возвращался, дверь была уже заперта; Лес непроходим*), так что ввиду этого можно было бы одну часть примеров отнести к глагольному, а другую часть к именному сказуемому. Речь идет, точно выражаясь, об осцилляции, о промежуточном положении между глагольным и именным сказуемым, о их диалектическом взаимоотношении. Несомненно к именному сказуемому относится такое сказуемое, которое выражено действительным причастием (*Воздух был опьяняющий*). Академическая грамматика решает вопрос таким образом, что вводит дальнейший вид сказуемого, на том же уровне что и глагольное и именное сказуемое, и относит к нему все случаи, когда именная часть сказуемого содержит любое причастие.¹¹

Еще необходимо добавить, что при исследовании сказуемого двусоставных предложений нельзя упускать из виду главный член безличных предложений (= единый член), ибо оба вида предикации обладают определенными общими свойствами, и некоторые утверждения по отношению к сказуемому должны иметь силу и применительно к главному члену безличных предложений. Вообще постоянным критерием правильности наших суждений и обобщений должен быть учет синтаксической синонимии, взаимоотношения явлений и понятий (терминов) и их логической системности.

В последующем изложении мы обратим сначала внимание (глава I) на сказуемое с чистой связкой; далее коснемся вопроса о сказуемом, содержащем полузнаменательный глагол (глава II) или полнознаменательный глагол (глава III). Наконец, предметом наших наблюдений будет так наз. сложное сказуемое (глава IV).

1

5. Исходным пунктом для рассмотрения видов сказуемого и проблемы его классификации целесообразно сделать **именное сказуемое с чистой связкой** или без связки. О связке (по прежней терминологии *verbum substantivum*, *глагол существительный*), а главным образом о содержании понятия „связочные глаголы“ был высказан целый ряд различных взглядов, иногда противоречивых, и это повело к скептическому отношению к ценности самого понятия связки у некоторых синтаксистов.¹² Из существующего разногласия имеется, по нашему мнению, только единственный выход: считать связкой вообще только глагол *esse* — *быть* во всех временных значениях,¹³ когда он выражает лишь грамматические значения, что в именном сказуемом бывает в подавляющем

большинстве случаев. В противоположность довольно распространенному мнению следует признать, что его видовой вариант *бывать* в тех же случаях имеет также чисто связочное значение. В современном русском языке как связка выступает еще глагол *являться*, как правильно устанавливается Академической грамматикой.¹⁴ Все другие глаголы, даже с весьма широким или побледневшим лексическим значением, не являются связками. Если они выступают, например в русском языке, на месте связки, тогда это глаголы-заместители связки; см. § 13.

Чисто связочный характер глагола *быть* — *бывать* иногда непропорционально суживается, вероятно потому, что этот глагол сам по себе в некоторых случаях может выступать и как знаменательный (напр. *Есть такая возможность!*; *Всякое бывает*), или также потому, что выражение с чистой связкой нередко воспринимается на фоне выражения с другим, несвязочным глаголом (напр. *Я был в больнице* || *Я лежал в больнице*; *Он часто бывает у нас* || *Он часто живет у нас, приходит к нам*).

6. Переходим к бессвязочному именному сказуемому. То обстоятельство, что связка лишена лексического значения и служит лишь эксплицитным средством выражения предикативной связи, т. е. синтаксического отношения подлежащего и сказуемого, являясь притом носителем грамматических категорий лица, числа, времени и наклонения, — достаточное обоснование для того, чтобы не отрывать друг от друга обе разновидности сказуемого, т. е. бессвязочного и связочного именного сказуемого. В противоположность глагольному сказуемому, которое представляет единственный тип простого, синтетического (в синтаксическом смысле) сказуемого, именное сказуемое в современных индоевроп. языках представляет уже так или иначе аналитический тип предикации.

Вот почему в русской синтаксической традиции до недавнего времени было общепринятым понятие *составного сказуемого*, и по отношению к бессвязочному сказуемому. Такой прием имеет свое определенное оправдание в том, что чисто именное двусоставное (а отчасти и односоставные) предложения подверглись психологической вербализации, главным образом под влиянием предложений с другими временно-модальными значениями (в чешском языке также под влиянием предложений с формой настоящего времени глагола *byti*); следовательно, напр. в соотношении с предложениями *Мальчик был (бы) здоров — Мальчик будет здоров*, продолжение *Мальчик здоров* воспринимается как сообщение с грамматическим значением изъявительного наклонения настоящего времени. Отсутствие связки, так наз. „нулевая связка“ — специфический способ выражения данных нейтральных (*bezřizňakových*) грамматических категорий. Психологическая, смысловая вербализация отразилась в синтаксической теории в том, что подобные бессвязочные предложения нередко относились к глагольным, что подчеркивался глагольный характер бессвязочного именного сказуемого;¹⁵ этому содействовало, между прочим, отмеченное уже отождествление предикативности с глагольностью. Если, следовательно, Академическая грамматика по-новому и правомерно вводит обозначение *простое именное сказуемое* для бессвязочного именного сказуемого (*Он врач; Все в сборе; Она еще молода*),¹⁶ тогда она решает дело в пользу формальной стороны, которая в конечном счете должна всегда быть решающей в синтаксисе. Такой прием имеет в данном случае опору и в исторической точке зрения, так как безглагольный тип именной предикации — более древний, исконный тип.¹⁷

7. Обратим теперь внимание на именную часть связочного или бессвязочного именного сказуемого. Строгое требование полного грамматического согласования сказуемого с подлежащим, применявшееся раньше, имело своим последствием то, что нередко не признавались сказуемым ни его составной частью косвенные падежи существительных, простая форма сравнительной степени, деепричастие

и инфинитив (в предложениях типов: *Он был купцом; Этот человек — высокого роста; Вол сильнее лошади; Он выпивши*). Это значило, что говорилось о дополнении или об обстоятельстве при простом (или опущенном) глагольном сказуемом; односторонняя формальность и неестественность подобного толкования очевидна.¹⁸ Теперь общепризнается, что во всех подобных случаях речь идет об именном сказуемом, хотя и несогласованном или с частичным согласованием.

8. До настоящего времени, однако, наблюдаются некоторые разногласия тогда, если в сказуемом находится падеж существительного с предлогом (изредка также без предлога) в отчетливо адвербиальном или объектном значении, или наречие. Имеются в виду случаи такого рода: *Наташа была в восторге* (Л. Н. Толстой); *Отец в городе; Они уже дома; Доклад будет о советском искусстве*. Если данное именное выражение само по себе имеет адвербиальное значение (наречие имеет его всегда), то можно говорить о сказуемом адвербиального характера, подобно как и в одиночных случаях типа *Доклад о советском искусстве* можно говорить об именном сказуемом объектного характера. Сказуемое адвербиального характера (короче: адвербиальное сказуемое), следовательно, — один особый тип именного сказуемого. В языке оно встречается довольно часто и выражает или ингерентный, качественный признак (*Наташа была в восторге; Он был с характером*), или реляционный, „обстоятельный“ признак (*Отец в городе; Славная погода завтра будет* Тургенев).¹⁹ Предложения с реляционным сказуемым, если они не содержат определенную форму глагола *быть*, часто считаются неполными. В русском языкознании такой взгляд получил общее, последовательное распространение. Мы считаем, что объяснение подобных предложений как неполных, т. е. признание, будто сказуемым здесь являются только формы глагола *быть*, является несостоятельным. Можно привести следующие аргументы:

1. Между обоими семантическими полюсами (с одной стороны выражение качественного признака, а с другой стороны выражение реляционного признака) имеется нередко незаметный переход, и возможно даже их взаимопроникновение; ср. *Он уже на воле* (= свободен; качественный или обстоятельный признак?); *Вода была по пояс* (= глубокая); *Я буду в долгу у тебя* (= обязан тебе); *Материал был из Болгарии*. В каждом случае трудно было бы решить, что является сказуемым и идет ли речь о полном или неполном предложении.

2. Глаголу *быть* присуще здесь в преобладающем большинстве случаев значение одной только связи. Так наз. вещественное значение пребывания, нахождения выражается не самой связкой, а вытекает из всего содержания предложения.

3. Бессвязочное выражение здесь в русском языке является совсем обычным, прямо нормативным. Сам этот факт не допускает с теоретической точки зрения возможность эллиптического объяснения, не говоря уже о том, что в подобных предложениях пропуск глагола, тем более полнового, не ощущается. Допущение пропуска полнового глагола не соответствует языковой действительности и обозначает необходимость признать, вместе с А. М. Пешковским,²⁰ так наз. „полновесное нулевое глагольное сказуемое“.

4. Учение о неполноте предложений с реляционным сказуемым оказывается несостоятельным даже с исторической точки зрения; так как уже в древнейшем русском языке подобные предложения были бессвязочными в такой же мере, что и предложения с другими видами именного сказуемого. Ср.: *а Дирова могила за святою Ориною* (Пов. вр. л. 6390); *приде ему весть, яко Олегъ на Клявме* (там же 6604); *Игорь князь въ Руской земли* (Сл. о п. Иг. 30); *тако очи наши в руку твоею* (Посл. Дан. Зат. 65); *еде господство ваше?* (Пов. о Ряз. 16); *нъ кѣде святая Софья, ту Новгородъ* (1 Новг. лет. 6723).

Экзистенциальное или другое семантическое значение может, конечно, при реляционном сказуемом иногда проступать, однако это бывает редко: *Были здесь (= существовали, имелись) все благоприятные условия; Это было вечером* (А. Н. Толстой). На форму глагола *быть* приходится в таком случае большая доля предикативности, а член адverbиального характера выступает в пропорционально усиленной собственной функции, т. е. в функции обстоятельства. Учитывая, однако, относительную немногочисленность подобных случаев, формальное тождество с остальными случаями и, наконец, тонкие смысловые взаимопереходы, мы признаем сказуемым всегда сочетание формы глагола *быть* с адverbиальной частью. Там, где связка не выражается, функцию сказуемого выполняет одна адverbиальная часть (наречие), напр. *Я в кухне; Экзамен завтра*.

Если мы признаем полными такие русские предложения, как *Отец в городе; Все уже дома; Секретарь сейчас у директора*, то видим полные предложения и в примерах типа: *Вокруг дома сад; Между деревьями тропинка; На дворе мороз*, где изменен порядок слов вследствие другой смысловой (контекстуальной) организации высказывания. — Подобное адverbиальное сказуемое со связкой имеем и в предложениях типа *Вчера было собрание; Завтра будет воскресенье*.

II

9. В этой главе речь пойдет о проблеме сказуемого, содержащего **полузнаменательный** (синсемантический) глагол. Сюда относятся такие примеры, как: *Оба остались голодные; Он стал актером; Ты выглядишь усталым; Он считается знатоком; Она оказалась очень способной*. Они занимают своего рода переходное положение между примерами, где при предикативном имени налицо связка (*Она была весела; Он является великим писателем*), и между примерами, когда при предикативном имени налицо полнознаменательный (автосемантический) глагол (*Он сидит угрюмый; Он вернулся с фронта лейтенантом*). С формально-синтаксической точки зрения примеры всех трех типов имеют две общие черты. Эти черты следующие:

1. Имя в составе сказуемого синтаксически относится к глаголу и одновременно к подлежащему. Отношение к подлежащему, естественно, не прямое, а осуществляется посредством глагола, и формально обнаруживается в тенденции к согласованию с подлежащим, в особенности в роде; даже выбор мужской или женской формы одушевленных существительных — проявление такой тенденции. Отношение к глаголу очевидно и оно проявляется между прочим в том, что в некоторых случаях употребление беспредложного творительного или падежа с предлогом (касается почти исключительно чешского языка) требуется самой природой глагола; поэтому здесь допустимо с точки зрения современного состояния говорить об управлении. Следовательно, форма имени в составе сказуемого, по отношению к имени в подлежащем и по отношению к глаголу, частью или полностью обусловлена, и эта формальная обусловленность (*tvárová danost*) может реализоваться либо согласованием, либо управлением, либо управлением при одновременном согласовании.²¹

В историческом плане на месте творительного или падежа с предлогом стоял второй именительный, следовательно дело шло только о грамматическом согласовании с подлежащим и о более тесном взаимоотношении предикативного имени

и подлежащего; напр. *съ великъ наречется* (Остр. ев. Мат. 5, 19); *онъ же ныне воровъ ми ся учинилъ* (Ипат. лет. 150); *и придоча здорови вси в Новъгородъ* (1 Новг. лет. 6819); *истину ты не бесерменинъ кажешися* (Хож. Аф. Ник. 23—24). Вытеснение именительного творительным или падежом с предлогом — проявление адвербиализации, которая в ряде случаев была вызвана известным ослаблением лексического значения исконно полнозначительных глаголов и которая повлекла за собой тот факт, что предикативное имя более тесно примкнуло к глаголу и потеряло частью свою связь с подлежащим. Употребление падежа адвербиального характера (каким по происхождению является и творительный),²² однако, во многих случаях закрепились в управление, т. е. подверглось грамматикализации.²³

При объектных глаголах (главным образом переходных) предикативное имя может относиться вместо к подлежащему к дополнению и одновременно к глаголу; напр. *Его считают умным; Его выбрали председателем; Он нашел свою квартиру пустой*. И здесь первоначально имело место согласование, и историческое развитие было аналогично, как и в предшествующих примерах; ср. *поставлю уношу князя имъ* (Пов. вр. л. 6523); *и погребоша воеводу своего Гемябега жива въ земли* (1 Новг. лет. 6732).

Факт синтаксического отношения имени к двум членам предложения одновременно — бесспорен и не неизвестен; его нельзя упускать из виду ни при изложении о словосочетаниях, ни при изложении о сказуемом.

2. Если имя в составе сказуемого выражено синтаксическим именем прилагательным, то носитель данного признака совпадает с подлежащим или дополнением предложения. Если оно выражено синтаксическим существительным, тогда оно субстанциально отождествляется с понятием, которое выражено подлежащим или дополнением, или же обозначает категорию соответственных субстанций. Подобное отождествление или категориальная принадлежность — важное отличие от функции дополнения как второстепенного члена предложения, где дело идет всегда о субстанциальном несовпадении.²⁴

10. Во всех остальных, более подробных чертах, свойства имени, имеющего двустороннее синтаксическое отношение, отличаются, главным образом в зависимости от характера глагола.

Прежде всего от всех остальных случаев следует отделить имя при связке (*быть, бывать, в русском языке также являться*). Совершенной семантической бессодержательностью связки, которая выступает лишь в качестве предикативного „форманса“, причем все смысловое содержание сосредоточено в именной части сказуемого, а также теснейшей взаимосвязью с бессвязочным типом обусловлено то, что имя со связкой ощущается лишь как сказуемое, как одно целое (ср. выше).

При всех других глаголах принципиально допустимо видеть в имени с двусторонним синтаксическим отношением особый член предложения, и ему можно дать какое-нибудь общее название.

В синтаксической литературе наибольшее распространение (иногда даже для имени при чистой связке) получил термин *предикативный атрибут*; в русских грамматических трудах встречаются и другие названия, как-то: *второе сказуемое, дополнительное сказуемое, присвязочный член, вещественный член, предикативный член, предикативное имя* и др.; в чешской синтаксической традиции известен термин *doplněk*. Ввиду указанных терминологических колебаний было бы весьма полезно принять такой термин, который наглядным образом по самому своему устройству обозначал бы, что речь идет о детерминации глагола и имени одновременно, следовательно о детерминирующем члене с предикативными признаками. Из терминов,

которые мы могли бы предложить,²⁵ будем пока употреблять термин предикативный детерминант (přisudkové určení, příp. predikativní určení).

Признание общего понятия *предикативный детерминант* (названного так или иначе) как синтаксического факта необходимо и выгодно, потому что под один общий знаменатель попадают многочисленные синтаксические явления действительно той же сущности, без различия семантики глагола и смыслового оттенка, выражаемого самим предикативным детерминантом.

11. Здесь мы коснемся характеристики члена с двусторонним синтаксическим отношением, т. е. предикативного детерминанта, при ползузнаменательных глаголах. Его можно характеризовать, в общем, следующими чертами:

1. Для сообщения он обязателен. Такой обязательный детерминант я называю *изъяснительным* (obsahový), подобно как могут быть обязательными (изъяснительными, obsahové) и другие члены предложения, в отличие от членов необязательных (факультативных, *дополняющих*, doplňovací).²⁶ Таким образом, мы получаем подчиненное понятие *изъяснительный предикативный детерминант* (přisudkové určení obsahové).

2. В формальном отношении этот предикативный детерминант характеризуется не столько согласованием (частичным или полным), сколько прежде всего управлением, особенно в чешском языке; напр. *Он оказался приятным собеседником; Это мне представляется странным; Она притворяется слепой; Ранение сделало его калекой; Je pokládán za zkušeného; Slovo větrem učiněno jest; Prokázal se dobrým vypravěčem.*

3. Признак, выраженный изъяснительным (= обязательным) предикативным детерминантом, находится в неразрывной связи, в зависимости от действия, он вызван, обусловлен действием. В нем могут ощущаться различные адвербиальные оттенки, однако в общем гораздо слабее, незаметнее, чем при полнознаменательных глаголах.

12. Теперь приступаем к сущности вопроса, правильно ли признавать сочетание ползузнаменательного глагола с предикативным детерминантом просто сказуемым (т. е. одним, нераспространенным членом предложения), или двумя членами предложения.

Сначала приведем возражения против комплексного понимания.

1. Мы считаем бесспорным, что предикативный детерминант представляет особый член предложения при явно полнознаменательном глаголе, причем такой глагол, следовательно, является глагольным сказуемым. Видеть в предложениях типа *Первым опомнился Иванов; Солдат спал одетый*, и тем более в предложениях типа *Фрукты едят сырыми; Он нашел свою квартиру пустой* именное сказуемое, синтаксически цельное — это неприемлемая концепция. Если бы мы ограничились комплексную концепцию лишь ползузнаменательными (или же „вспомогательными“) глаголами, то это означало бы, что решающим критерием столь важной категории, как сказуемое, делается только семантическая точка зрения. Притом, однако, граница между автосемантическими и синсемантическими глаголами является слишком тонкой и неопределимой.²⁷ В историческом плане все синсемантические глаголы в свое время были автосемантическими. Известны редкие случаи, когда полнознаменательный глагол при предикативном детерминанте лишается своего собственного лексического значения и превращается в ползузнаменательный; ср. *День стоял ясный; Отец лежит больной; Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне* (Гоголь); *Karlík chodí bos (bosů)*. С другой стороны, ползузнаменательные глаголы могут выступать и в качестве полнознаменательных, и различать те и другие

случаи далеко не всегда возможно и однозначно; ср. *Первая глава в этой книге служит введением* (= je úvodem) × *Брат служит на этом заводе счетоводом*; *Он почитается хорошим писателем* × *Вы, бабы, любите и почитайте его* (Пушкин).

2. Многие глаголы, детерминированные (вместе с подлежащим или дополнением) предикативным детерминантом, могут в совершенно том же семантическом значении распространяться и другим членом, в особенности обстоятельством; из многих возможных примеров ср.:

Он оказался болтливым, надоедливым собеседником (Шолохов) × *Он оказался в затруднительном положении*; *Он состоит заведующим* × *Он состоит в должном состоянии*; *Он числится большим* × *Он числится в списке больных*; *Ее сестра звалась Татьяна* (Пушкин) × *Как тебя зовут?*; *Он мне доводится дядей* × *Как вам доводится Настасья Николаевна?* (Грибоедов); *Я полагала вас больным* × *Он так подло о нас полагает*; *Она казалась больною* (Гончаров) × *Она казалась дома*; *Vypadáš nemocen* × *Vypadáš špatně*; *Cítím se zdrav* × *Cítím se dobře*; *Byl zvolen předsedou (za předsedu)* × *Byl zvolen do předsednictva*; *Projevil se jako dobrý organizátor* × *Projevil se příznivě*; *Ukázal se znamenitým řidičem* × *Ukázal se v pravém světě*; *Jmenuje se Hanička* × *Jmenuje se po matce*.²⁸

При комплексной концепции получается неизбежное логическое противоречие: в одной группе примеров глагол признается только составной частью именного сказуемого, в то время как в другой группе бесспорным глагольным сказуемым.

3. Семантическая неполнота еще не значит, что создающие одно смысловое целое компоненты являются неделимыми, цельными и в синтаксическом отношении. И многие другие глаголы в функции неоспоримых глагольных сказуемых детерминируются обязательным (= изъяснительным) членом; ср. *Он встретился со своим знакомым*; *Он попал в комическое положение*; *Он нашел то, что искал*; *Vnikl do tohoto problému*; *Přítel se octl v nesázích*; *Krejčí ušil šaty*; *Domnívá se, že...* В приведенных предложениях предикация, естественно, не состоит только в том, что „кто-то встретился, попал и т. д.“, а во всем содержании состава сказуемого. Учение о связочных (полусвязочных, полувещественных, вспомогательных) глаголах, как о неопределенном ряде глаголов, смысловое значение которых нуждается в распространении, раскрытии, нужно с синтаксической точки зрения отвергнуть самым решительным способом, потому что подобные глаголы отождествляются с одним типом „транзитива“, т. е. глагола, образующего смысловую и синтаксическую связь между двумя предметами. Семантические и синтаксические категории нельзя ставить на одну плоскость; в таком случае, в конце концов, достаточно было бы в каждом двусоставном предложении различать только состав подлежащего — состав сказуемого.

4. Комплексное понимание может иметь своим последствием то, что некоторые важные синтаксические явления остаются без надлежащего внимания, вероятно потому, что они как-то не вмещаются в заранее принятые, не совсем точные синтаксические схемы. Так, Академическая грамматика, вопреки соответствующим указаниям Потевни и Шахматова,²⁹ почти что не отмечает предикативный детерминант, относящийся к дополнению, в примерах типа: *Люди выбрали его депутатом*; *Его провалил цыганком*; *Я почитаю тебя своей женою* (Пушкин), подобно как и при полнознаменательных глаголах, напр. *Нашли его раненым*; *Часто я заставал его стоявшим неподвижно против окна*.

13. Приведенные аргументы, несомненно, очень веские. Однако прежде чем высказать нашу точку зрения, мы приведем также данные, говорящие в пользу комплексного понимания, в связи с более подробным обзором полнознаменательных глаголов, стоящих при предикативном детерминанте.

В защиту комплексного понимания именного сказуемого можно привести следующие аргументы:

1. Это прежде всего факт более или менее тесной смысловой цельности глагола + имени, и, может быть, методические, практические факторы. Но мы видели, что тесную смысловую цельность образуют и другие, бесспорно самостоятельные члены предложения.

2. В известной мере ступень правомерности комплексного понимания может зависеть также от характера глагола. Полнознаменательные глаголы неравно-

ценны по своему лексическому содержанию и отчасти также по синтаксическим свойствам.³⁰ В русском языке проблема „связочных“ глаголов гораздо актуальнее, чем в других языках, так как здесь в силу исторических условий (значительная устойчивость и впоследствии почти сплошное восстановление чисто номинального типа предложения) произошла грамматикализация определенного количества глаголов, которые в значительной мере в данном употреблении лишились своего лексического значения и выступают часто только в качестве заместителей связки, главным образом в форме настоящего времени и в письменных высказываниях. Глаголам-заместителям связки (они представляют лишь меньшую часть всех полузнаменательных глаголов) соответствуют поэтому в других языках по большей части просто формы глагола *esse*.

(1) Из числа глаголов, при которых бывает предикативный детерминант, в качестве заместителей связки могут выступать следующие глаголы: *состоять, служить, приходится, доводиться*. Менее часто и менее отчетливо носят характер заместителей связки глаголы *оказываться (оказаться), числиться, получаться*.

Два глагола-заместителя связки имеют при себе прямое дополнение: *являть собой* (весьма редко употребительный), *представлять (собой)*.

Другого характера такие глаголы, которые замещают связку *быть*, однако детерминируются всегда только обстоятельством (или выступают самостоятельно) и их отвлеченное значение может переходить в экзистенциальное значение. Это глаголы *находиться, помещаться, насчитываться, водиться, встречаться, иметься*. Нет основания не видеть в них в предложении глагольные сказуемые.

(2) Все остальные русские полузнаменательные глаголы насыщены более конкретным лексическим содержанием и имеют полное соответствие в глаголах других языков. Это — в неполном перечне — глаголы следующих семантических оттенков: а) *становиться (стать), делаться* (в знач. *начинать быть*), *оставаться; státi se, zústati*; б) *именоваться (именовать), называться (называть), звать (звать); jmenovati (se), nazývati (se), slouti*; в) *оказываться* (может иметь и характер заместителя связки); *ukázati se, prokázati se, jeviti se*; г) *казаться, смотреть* (в знач. *выражать*); *zdáti se, vypadati, připadati, viděti se* (в знач. *казаться*); д) *прикидываться, притворяться, представляться* (в знач. *делать вид*), *выдаваться (выдавать); stavěti se, dělati se, vydávati se (vydávati někoho, něco zač)*; е) *чувствовать себя; cítiti se, připadati si*; ж) *полагаться (полагать), считаться (считать), почитаться (почитать), слыть* (этот глагол имеет при себе также винительный с предлогом *o*); *býti pokládán (pokládáti), býti považován (považovati), býti pojímán (pojímáti), slýnouti, platiti zač*; з) *объявляться (объявлять), провозгласиться (провозгласить), скааться, назначаться (назначать), выбраться (выбрать); býti prohlášen (prohlásiti), býti učiněn (učiniti), býti jmenován (jmenovati), býti zvolen (zvoliti), býti ustanoven (ustanoviti)*. В последней семантической группе наблюдается уже незаметный переход к другим, более или менее полнознаменательным глаголам.

14. Итак, остается подвести итоги и дать ответ на вопрос о том, как рассматривать состав сказуемого, содержащий синсемантический глагол и предикативный детерминант.

В неблагоприятном освещении, в котором перед нами предстало комплексное понимание именного сказуемого, наиболее обоснованным было бы усматривать в русском языке одно синтаксическое целое только в сочетании заместителей связки с предикативным детерминантом, и называть его *именным сказуемым со связкой*; связку надо было бы понимать в более широком значении, что, однако, ведет к некоторым осложнениям.

Вторая возможность была бы говорить о *глагольно-именном сказуемом*, причем к этому понятию относились бы все случаи сочетания синсемантического глагола + изъяснительного (= обязательного) предикативного детерминанта. Таким образом, вместо основной дихотомии сказуемого (глагольное сказуемое — именное сказуемое), получилась бы трихотомия (глагольное — глагольно-именное — именное сказуемое). Подобная концепция имела бы свою поддержку в теории

сказуемого у некоторых синтаксистов и имела бы свои неоспоримые преимущества. Однако при последовательном применении этой концепции к глагольно-именному сказуемому нужно было бы отнестись и связочно-именное сказуемое; такой отрыв именного сказуемого со связкой от именного сказуемого без связки был бы, конечно, нежелательным, вряд ли правильным, и также границы глагольно-именного сказуемого оказались бы совершенно расплывчатыми.

Во всяком случае мы признаем концепцию и понятие глагольно-именного сказуемого более правильными, чем третью возможную концепцию, которая заключается в том, что сочетание любого глагола (даже полнознаменательного) с предикативным детерминантом относится к именному сказуемому.

15. Мы убеждены в том, что лучшим и однозначным является иное возможное еще понимание: видеть сказуемое как синтаксическую а не семантическую категорию всегда в глаголе (за исключением чисто связочного). Полузнаменательные глаголы в определенной форме, следовательно, мы признаем глагольными сказуемыми, а имя при них рассматриваем как особый, второстепенный член предложения (хотя и обязательный, изъяснительный). Таким путем одновременно устраняются противоречия, касающиеся семантики глаголов, так как сказуемое со связкой (= с чистой связкой) и без связки — явление совершенно ясное, все остальные глаголы в определенной форме являются сказуемыми, и любой предикативный детерминант при них остается предикативным детерминантом, т. е. в синтаксическом отношении имеет принципиально одинаковые признаки, независимо от того, идет ли речь о синсемантических или автосемантических глаголах.

Единственный случай, где возможно учитывать семантическо-синтаксическую природу полузнаменательного глагола, относится к фазовым глаголам *становиться* (*делаться*), *оставаться* — *státi se*, *zůstati* и к модальному глаголу *казаться* — *zdáti se*. Среди всех других полузнаменательных глаголов они действительно занимают своеобразное положение. Указанные фазовые глаголы выражают, в сущности, только начало (возникновение) или продолжение признака (в то время как прекращение проявления признака выражается при помощи оборота *перестать быть*). Если выражение фазовости активного признака при помощи упомянутых или соответствующих им глаголов правомерно считается сложным глагольным сказуемым, то по аналогии подобные сочетания с именем можно также считать разновидностью сложного именного сказуемого. Аналогичное положение наблюдается у глагола *казаться*, который выражает модально обусловленное бытие, в смысле большей или меньшей степени реальности проявления признака; учет степени реальности явления образует один структурный план модальности. По аналогии с другими модальными глаголами и этот глагол образует сложное сказуемое. За такую концепцию говорят также параллельные функциональные возможности названных глаголов в безличных предложениях (*Стало, сделалось холодно; Кажется холодно*) и еще другие обстоятельства; подробно см. в § 21 сл.

III

16. Из предшествующего анализа следует косвенный вывод, что в тех случаях, когда в составе сказуемого имеется **полнознаменательный** (автосемантический) **глагол** и при нем имя с двусторонним синтаксическим отношением, комплексное понимание сказуемого, так наз. *слож-*

ного именно сказуемого,³¹ является еще менее правомерным. Глагол здесь будет глагольным сказуемым, а имя опять предикативным детерминантом, а именно факультативным, необязательным (или же *дополняющим*, *doplňovací přísudkové určení*). Не вдаваясь в подробности этого второстепенного члена предложения, нужно вкратце коснуться двух моментов: его синтаксическо-смысловых оттенков и его разграничения от обстоятельства. В русском языке это довольно сложный вопрос, так как преобладающим средством выражения предикативного детерминанта служит здесь опять творительный, выполняющий, однако, в формально тождественных конструкциях еще ряд других, весьма близких синтаксических функций.

17. Факультативный предикативный детерминант можно разделить на два типа, определенно отличающиеся по значению, между тем как формальные отличия касаются главным образом только чешского языка.

1. В первом типе предикативный детерминант выражает признак, зависимый от действия, вытекающий из действия, последующий за ним, ввиду чего здесь отчетливо ощущается целевой или результативный оттенок. Формальная обусловленность — в общем более слабая, чем при ползунаменательных глаголах — в русском языке в отличие от исторического состояния не может реализоваться полным согласованием; употребление творительного следует признать разновидностью управления, при тенденции к согласованию. В чешском языке полное согласование встречается относительно редко (со словами *jako*, *co*), так же как и беспредложный творительный, типичным же является сочетание предлога *za* с винит. падежом. Предикативный детерминант выражается чаще существительным. Предложения этого типа не слишком многочисленны, и некоторые глаголы теряют в известной степени свое полное лексическое значение. Примеры:

Я был записан в Семеновский полк сержантом (Пушкин); Она поступила преподавателем физкультуры в железнодорожную школу (Панова); Один из них вызван свидетелем в суд (К. Чапек, перевод); Люди признали его своим вожаком (Николаева); Он послал на фронт второго сына летчиком-истребителем (Полевой); Ее поставили поваром; Byl poslán na bojiště jako dopisovatel (za dopisovatele); Učí se kovářem; Přihlašuji se za člena; Vzali si ho za vlastního; Přijali ji za překladatelku.

Адвербиализация этого предикативного детерминанта отражается в том, что в русском языке иногда употребляется обстоятельство, с предлогом *в*; напр. *Она пошла в санитарки; Он записался в добровольцы; Он поступил в солдаты; Его произвели в полковники*. Это такая концепция, при которой понятие, выраженное подлежащим или дополнением, относится, как при обстоятельстве места на вопрос *куда?*, к тому разряду понятий, к которому оно субстанциально принадлежит, или, вернее, будет принадлежать.

2. В другом типе предикативный детерминант выражает признак, независимый от действия. Формальная обусловленность реализуется главным образом согласованием, в чешском языке в большинстве случаев последовательным, а в русском лишь в известных случаях. Предикативный детерминант выражается очень часто синтаксическим именем прилагательным. Предложения этого типа многочисленны.

Со смысловой точки зрения можно здесь — приблизительно и не вполне точно — говорить еще о двух разновидностях:

а) Соотношение признака и действия довольно тесное, признак сопровождает действие; напр. *Он пришел голодный, веселый ...; Дядя мой у него дворецким служил* (Тургенев); *Она выступила солисткой концерта; Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурачком* (Пушкин); *Оставил ее сиротой (оставил ее одну); Karlík chodí bos; Je zaměstnán jako prodavač; Pěšinky udržoval čistě; Cení si ho jen jako technika.*

б) Отношение признака и действия совсем свободное, случайное;³² напр. *Ребенком она лишилась матери; Я помню, ты дитей с ним часто танцевала* (Грибоедов); *Катя, одетая, сидела на постели* (А. Н. Толстой); *Привел его небольшим хлопцем старый козак-бандурист с Украины* (Короленко); *Никогда еще его не видели таким подвижным и веселым* (Фадеев); *Jako chlapec jsem sbíral známky; Unaven v vyžerpán potkal jsem prvního pocestného; Znal jsem ho ještě jako studenta; Nikdy jsem ho neviděl opilého.*

18. Резкое разграничение можно проводить, по нашему мнению, только между случаями названного типа 1), где дело идет о признаке, вытекающем из действия, и случаями типа 2), где дело идет о признаке, сопутствующем действию или случайно совпадающим с действием. Для последнего синтаксическо-смыслового типа под влиянием грамматики Фр. Травничека известное распространение среди чешских синтаксистов получило понятие и обозначение *doplňěk* — *комплемент* (*complementum*),³³ в отличие от понимания термина *doplňěk* в более широком смысле, как эквивалента нашего понятия *предикативный детерминант*. Мы считаем, что действительно целесообразно пользоваться этим понятием в указанном более узком объеме. *Комплемент* — *doplňěk*, следовательно, является только одним, особым и часто встречающимся типом предикативного детерминанта факультативного (необязательного, дополняющего, *doplňovacího*), т. е. при полнозначенательных глаголах. Вопросам, связанным с комплементом, надо будет в будущем уделять специальное внимание.

Адвербиализация этого предикативного детерминанта (= комплемента), и вообще близость его к обстоятельству отражается в нередкой замене его обстоятельством; за процессом адвербиализации можно следить и на всем протяжении развития славянских языков;³⁴ ср. из русского: *Он вернулся пешком* (< пешь), *босиком* (< бось); *Волка поймали живьем* (< жива); *Он служил в сторожах* (< сторожь); *Он работал здесь в должности секретаря; Этот факт был приведен в качестве примера.*

19. Не является предикативным детерминантом, а обстоятельством такой русский творительный, который имеет вполне определенное адвербиальное значение, характеризует образ действия в широком смысле и обусловливается в своем употреблении скорее семантическими, чем синтаксическими причинами. Тоже субстанциальное отождествление здесь иногда неполное. Смысловые оттенки подобных творительных следующие:

1. Выражается сопутствующая формация (оформление, подобие, вид); напр. *Дым носился огромными клубами* (*ve velkých chuchvalcích*); *Они пришли беспорядочной толпой* (*v nespřádaném houfu*); *Пыль лежала густым слоем* (*v husté vrstvě*); *Они расходились группами* (*po skupinách*).

2. Выражается социативное участие в действии; напр. *Мы пойдём в кино всем классом; Ходили к нам всем колхозом проситься* (Николаева).

3. В других случаях выражается конечная, результитивная формация (оформление, подобие, вид), т. е. результат действия; напр. *Она обернулась красной девицей* (*přeměnila se v ...*); *Он переоделся матросом* (*za námořníka*); *Крплица не вырастет розой* (*nedoroste v růži, na růži*); *Кумачовые юбки ее развились колоколом* (*se rozvinuly do zvonu*) (А. Н. Толстой); *Извлекает оттуда ядрышки и складывает*

*их кучкой (do hromádku, na hromádku) (Полевой); Несколько баб... откалывали его (= лед) узкими полосками (там же).*³⁵

4. Речь идет о сравнении, уподоблении; напр. *Она поет соловьем; Он камнем ринулся на „ломовик“ (Полевой); Эта фраза Василия гвоздем сидела в ее памяти (Николаева).*

И есть еще другие подобные оттенки значения, выражаемые в русском языке при помощи беспредложного творительного, в общем однако более отдаленные от значения предикативного детерминанта. Смысловые взаимопереходы здесь часто очень тонкие, отдельные оттенки могут сочетаться и переплетаться. Также разграничение от предикативного детерминанта не является резко отчетливым.

20. Вряд ли, однако, можно вполне согласиться с А. А. Потембей, что в синтаксическом отношении все подобные творительные падежи тождественны с творительным, выражающим предикативный детерминант.³⁶ Дело в том, что одна форма может выразить различные значения и смысловые оттенки, но синтаксическая категория создается лишь единством формы и значения, какими бы тонкими ни были соответственные оттенки и взаимопереходы. Так, чешское предложение *Pracuje jako mistr* может выражать либо подлинный признак (= полное совпадение субстанций, т. е. он работает, будучи мастером), либо только образный признак (= частичное совпадение субстанций, т. е. он работает так, как работают мастера, мастерски; ср. тоже немец. *er arbeitet als Meister // wie ein Meister*). В первом случае перед нами предикативный детерминант, в другом случае обстоятельство образа действия. Подобные различия, хотя в общем менее явные, возможно и даже необходимо устанавливать и в русском языке; напр. предложение *Он шел воеводою* может обозначать: а) чтобы быть воеводою — дополняющий предикативный детерминант (*doplňovací přísudkové určení*); б) уже в качестве воеводы, будучи воеводой — комплемент (*doplňěk*); в) так, как ходят воеводы, в значении уподобления, сравнения — обстоятельство образа действия (*příslůvečné určení způsobu*).

IV

21. Отрицая комплексное понимание именового сказуемого, мы признаем, с другой стороны, полную правомерность и необходимость понятия **сложное сказуемое** (*složený přísudek*), или же, в безличных предложениях, **сложный единый член** (*složený jednotný člen*). Понятие сложного сказуемого (предиката) плодотворным образом было выдвинуто только в русском языкознании и оно имеет здесь уже свою традицию.³⁷

Сложность предиката возникает таким путем, что сообщаемое явление выразится с точки зрения фазовой (т. е. начала, продолжения и окончания) или модальной, с употреблением соответственных фазовых глаголов, модальных глаголов и кратких форм прилагательных; ср. *Он начал работать — Začíná být neskromný — Опять начало болеть под ложечкой; Вы должны подождать — Вы должны быть осторожны.*

Мы считаем, что термин **сложное сказуемое** должен иметь одинаковое значение при глагольном сказуемом и при именовом сказуемом (а также при глагольном или адвербиальном едином члене безличных предложений).³⁸

22. Применительно к фазовым глаголам это требование проявляется следующим образом. Если фазовые глаголы, будучи употреблены в глагольном сказуемом, образуют сложное глагольное сказуемое, то мы вправе предполагать, что при употреблении тех же или функционально адекватных глаголов в именном сказуемом речь пойдет также о сложном именном сказуемом. Ср. следующие параллели:

начинает писать — *начинает быть* *противным* = *становится* *противным* — *začíná psát* — *začíná být protivný* = *stává se protivný*; *начал писать* — [*начал быть директором*] = *стал (сделался) директором* — *začal psát* — [*začal být ředitelem*] = *stal se ředitelem*; *продолжает писать* — *продолжает быть директором* = *остаётся директором* — *pokračuje v psaní (píše dál)* — [*pokračuje v ředitelování*] = *zůstává ředitelem*; *продолжает сидеть* — [*остаётся сидеть*] — *продолжала быть спокойным* (ср. пример из Л. Н. Толстого: *И потому суждение князя Василия продолжало быть справедливым*) = *остался спокойным* — [*pokračuje v sezení*] = *zůstává sedět* — [*pokračoval být klidný*] (*byl dále klidný*) = *zůstal klidný*; *перестал плакать* — *перестал быть таким противным* — *přestal kouřit* — *přestal být tak protivný* (*není už...*).

Глаголы *стать, становиться (сделаться), остаться* — *státi se, zůstat* мы признаем, следовательно, фазовыми, которые могут входить в состав сложного сказуемого.

Подобное объединение сложного глагольного и именного сказуемого оправдывается также с точки зрения исторической, так как в древнем языке встречалось выражение такого рода: *паде... гоце ораку звъезује си*. Supr. 560. 5—7; *osta že o sebě jedině rasty*. Supr. 26. 9—10; *ěko že přesta gļe* Lk 5. 4.

О правомерности нашего понимания сложного сказуемого указанного типа свидетельствует и аналогичная функция фазовых глаголов в безличных предложениях с предикативным наречием; ср. *стало холодно* = [*начало быть холодно*]; *мне становится неловко; сделалось душно; перестало быть так душно*; [*заčíná být hezky*] = *dělá se hezky*; [*Na ulici stalo se přece živěji* — Neruda] (теперь в чешском неупотребительный оборот); *začalo mi být mldo* = *přišlo mi mldo*; *zítra ještě zůstane teplo* = *zítra se ještě udrží teplo*; *už přestalo být tak horko* (= *už není tak horko*). Во всех подобных случаях мы имеем дело с фазовыми глаголами и, следовательно, со сложным единым членом безличных предложений. Сложным бывает и глагольный единый член безличных предложений: *начинает таять*; *Самолет все еще продолжало качать* (Бобров); *наконец перестало моросить*; *začalo, přestalo přšet*.

В сложном глагольном сказуемом появляются в фазовом значении еще глаголы *пойти, хотеть, удариться, пуститься, приняться* (чешское *jmouti se*), *кончить, бросить, прекратить*; в русском языке возможно здесь также глагол *стать*. Примеры: *И она в эту зиму простудилась и кашлять пошла* (Достоевский); *Погода хочет разгуляться; Все принялись тушить пожар; Он стал писать*.

23. Все названные фазовые русские и чешские глаголы неоднородны в семантическо-синтаксическом отношении. Между ними имеются известные различия в степени, в какой они выражают одну только фазовость, течение явления; в историческом аспекте эти различия были еще более резкими, в некоторых из них фазовая семантика является вторичной. С синтаксической точки зрения важно то обстоятельство, что некоторые из них могут иметь при себе также дополнение или обстоятельство, вследствие чего во второй составной части сказуемого пропускает объектное или адвербиальное значение.

Преобладающим является это адвербиальное значение в инфинитивах при глаголах *кинуться* (*он кинулся бежать*) и *броситься* (*мы бросились его защищать*), которые, помимо того, сохраняют в значительной степени свое конкретное лексическое значение. Ввиду этого мы — в отличие от Академической грамматики³⁹ —

считаем, что они выражают глагольное простое сказуемое, а инфинитивы при них выступают обстоятельствами цели действия.

Сложное сказуемое с глаголами *стать, сделаться, остаться*, в предложениях типа *Он стал (сделался) актером; Он остался доволен; Stal se hercem; Zůstal jsem jako orařeň* равносильно глагольному сказуемому с предикативным детерминантом, так что здесь налицо двоякая возможная интерпретация одного и того же синтаксического факта. Глагол *стать* — *státi se* имеет при себе в чешском языке в двусоставных предложениях всегда предикативный детерминант, в русском встречаются и необычные предложения вроде: *И тут он становился без всякой терпимости (Герцен); И сердце стало из стекла (М. Волош.)*. Глагол *остаться* — *zůstat*, наряду с предикативным детерминантом, может иметь при себе любую другую именную часть, напр. *Zůstaňte klidně mysli* [= „Останьтесь спокойной мысли“], *Он останется на заводе*. Случай типа *Он останется на заводе* (= он на заводе и это явление будет продолжаться) рассматриваем, будучи последовательными и логичными, опять как сложное именное (точнее: адвербиальное) сказуемое. Некоторые фазовые глаголы, подобно как и модальные глаголы, могут выступать и самостоятельно, в функции глагольных сказуемых; ср. *Вы останетесь?; Уже начали*.

24. Прежде чем перейти к модальным глаголам, необходимо остановиться еще на общей характеристике сложного сказуемого. Фазовое или модальное слово — носитель общих лексическо-грамматических значений и *синтаксическая основа сказуемого* (*přisudkovú základ*). Стоящее при ней слово — носитель собственного смыслового значения, т. е. *смысловое ядро сказуемого* (*významové jádro*). Синтаксическая основа сказуемого является синсемантической, и поэтому детерминируется обязательным (= изъяснительным) членом. Смысловое ядро бывает либо глагольным, либо именным. Глагольное смысловое ядро выражается инфинитивом, именное же ядро выражается так, как и именная часть именного сказуемого.

В случае необходимости можно, следовательно, сложному сказуемому придать следующие характеристики: а) глагольно-глагольное (*начинает писать*), глагольно-связочно-именное (*хочу быть прилежным*), глагольно-именное (*стал прилежным, остался на заводе*); б) имено-глагольное (*должен работать*), имено-связочно-именное (*должен быть внимательным*), имено-глагольно-именное (*должен стать примером*).

Возможны и некоторые осложнения; ср. *Он не хотел остаться секретарем* (глагольно-глагольно-именное сказуемое); *Каждый может захотеть стать актером!* (глагольно-глагольно-глагольно-именное сказуемое). В сказуемых подобного типа каждый компонент, за исключением основы сказуемого, служит изъяснительным детерминантом предшествующего компонента, подобно как и в неосложненных сказуемых.

25. Модальных глаголов, которые могут образовывать сложный предикат, в общем больше, чем фазовых, и определение объема сложного сказуемого здесь менее выразительное и в разных языках частью индивидуальное. Академическая грамматика, под влиянием традиции русского синтаксиса, воспринимает сложное глагольное сказуемое с модальными глаголами в очень широкой смысле.⁴⁰ Такое понимание является, правда, возможным, быть может даже практичным, но упрощающим.

Одно синтаксическое целое можно видеть лишь в таких случаях, когда данный глагол всегда (т. е. стереотипно) детерминируется инфинитивом, или же только инфинитивом // предложением, или когда по крайней мере такая детерминация в нашем языковом сознании явно преобладает.⁴¹ Там, где конкурирует или преобладает детерминация

при помощи субстантивного дополнения или обстоятельства, инфинитив выступает в функции дополнения или обстоятельства. В историческом плане обстоятельственная функция — явление исконное, в то время как функция дополнения — результат частичной субстантивации инфинитива.

Нередко способность инфинитива выступать в роли дополнения ставится под сомнение.⁴² С другой стороны, его подлежащая роль является общепризнанной. Конечно явно, что выражение объектных отношений при помощи инфинитива по смыслу не вполне совпадает с выражением тех же отношений при помощи падежа существительного. К этому нужно добавить, что субстантивация инфинитива не является полной. Следовательно, можно было бы говорить скорее об инфинитивном детерминанте объектного характера (*infinitivní určení předmětové povahy*), или же об инфинитивном объектном детерминанте (*infinitivní určení předmětové*); но можно довольствоваться и обозначением *инфинитивное дополнение*. Во всяком случае речь идет уже о второстепенном члене, хотя и обязательном, изъяснительном.

В чешском языке в качестве синтаксической основы сложного сказуемого выступают такие модальные глаголы как: *směti, moci, musiti, míti, chtíti; hodlati, míniti, usmysleti si, troufati si, opovážiti se, ráčiti, ostýchati se; uměti, dovésti, dokázati; rozkázati, dáti*. Ср. *Může pracovat; Může být klidný; Může přšet; Neměl bys sedět; Neměl bys být tak skromný; Nemělo by být horko*,

Глагол *chtíti* — *хотеть* детерминируется часто также субстантивным дополнением, однако по аналогии отчетливого модального значения считаем лишним отрывать его от других модальных глаголов. Возможность употребления указанных глаголов в безличных предложениях в русском языке ограниченная, в чешском довольно широкая, хотя безличным действиям все-таки нельзя приписывать такую богатую гамму модальных оттенков, как действиям с субъектом; ср. *Chce (nechce, musí, nemíní, dovede, umí) přšet*.

В русском языке модальных глаголов в узком смысле имеется меньше, зато большее количество глаголов с другими модальными оттенками стереотипно детерминируется инфинитивом или инфинитивом// предложением. Сложное сказуемое образуют, по нашему мнению, только такие глаголы как: *сметь, мочь, хотеть, изволить, иметь* (в знач. долженствования, устар.); *намереваться, думать* (в знач. *намереваться*), *собираться, предполагать, решить, вздумать; стараться, пробовать* (только в знач. *пытаться*), *пытаться; уснуть, уметь, суметь, разучиться; велеть, приказать*. Ср. *Он может не прийти; Дело может быть интересным; Я постараюсь исполнить ваше желание; Я постараюсь быть спокойным*.

Сюда не относятся следующие русские и соответствующие им чешские глаголы:

задумать, затеять, надеяться, готовиться, устать, позволить, бояться, стесняться, стыдиться, привыкнуть, отвыкнуть, желать, жаждать, искать, мечтать, решаться, стремиться, взяться. Инфинитив, стоящий при этих глаголах, имеет большей частью объектное значение, реже адвербиальное значение, и выполняет роль второстепенного члена предложения (хотя обязательного, изъяснительного).

26. Все приведенные модальные глаголы относились к тому структурному плану модальности, где речь идет о выражении необходимости, возможности и намерения осуществления явления. Другой структурный план модальности — это учет степени реальности явления. Между обоими планами, пересекаемыми еще категорией положения и отрицания, имеются тесные взаимосвязи; ср. чеш. *Tady muselo přšet* в знач. *Здесь, наверное, был дождь*.

На основании тщательного анализа и сопоставления соответственных синтаксических явлений я пришел к выводу, что из структурной плоскости модальности, где речь идет о степени реальности, уверенности сообщения, к образующим сложный предикат глаголам следует отнести глагол *казаться* — *zdáti se*, и только этот глагол. В пользу такого мнения можно привести следующие обоснования:

а) Глагол *казаться* (*показаться*) имеет очень широкое вещественное значение, в котором ощущается, собственно, только то, является ли данное явление более или менее реальным: любое явление, повидимому, существует, может существовать, но может и не существовать (= *může, ale nemusí být*). Это сближает его с глаголами типа *мочь*, *pusití*... В сложном именном сказуемом он выражает, следовательно, лишь модальное обусловленное бытие.

б) Он может функционировать, в сущности, во всех типах предиката: в составе глагольного предиката появляется, правда, скорее в виде исключения (ср. чеш. *Zdá se přicházet; Zdá se to svědčit v náš prospěch; Zdá se přšet*, немец. нормально *Er scheint zu kommen*), однако в составе именного или адвербиального предиката он встречается очень часто и может здесь почти всегда заменять связку *быть* (*Zdá se zkušený; Zdá se to dobře; Zdá se tu útulno; Он мне показался опытным человеком; Кажется тепло*). Если бы его не признавать компонентом сложного предиката, то нельзя было бы объяснить синтаксическую структуру безличных предложений указанного типа *Zdá se hezky, Кажется тепло*, подобно как и двусоставных, хотя и в настоящее время необычных конструкций с родительным качественным: *Он казался лет тридцати* (Пушкин); *Он казался права тихого и скромного* (там же).

в) В каждом употреблении при имени или наречии этот глагол может заменяться связкой *быть*, что связывает его с остальными способами выражения фазового или модального бытия и действия, где также возможно редуцировать выражение на одно только бытие или действие.

Итак, глагол *казаться* может образовывать сложный предикат глагольно-именной (глагольно-адвербиальный, глагольно-глагольный), смысловое ядро которого нередко носит характер предикативного детерминанта (напр. *Он казался богатым*). Остальные глаголы, хотя по своему лексическому содержанию более или менее близкие глаголу *казаться* (напр. *представляться, выглядеть, прикидываться*..., *vypadati, viděti se, připadati*...), не рассматриваются нами как составные части сложного сказуемого, а как глагольные сказуемые, ибо они не обладают теми важными синтаксическими свойствами, которые характерны для глагола *казаться*.⁴³

27. Относительно целостного понимания сказуемого, основой которого является модальное имя прилагательное в краткой форме, можно поставить те же условия, что и для глагольных основ сказуемого, т. е. чтобы прилагательное проявляло тенденцию к стереотипной детерминации инфинитивом. Это условие удовлетворяют прилагательные как: *должен, намерен, обязан, склонен, готов*, в чешском *jsem nucen, rovinen*, или же именные сочетания типа *быть в состоянии, быть не в силах, být s to, mít v úmyslu*. Ср. *Я не намерен уйти; Я не намерен быть строгим; Он обязан молчать; Он обязан быть вежливым*.

Вряд ли можно, однако, считать сложными сказуемыми этого типа случаи вроде: *имеет право ответить, имеет дар видеть, горю желанием учиться*, которые приводятся в Академической грамматике.⁴⁴ Инфинитиву здесь явно принадлежит относительно-ограничительное (*zřetelový*) адвербиальное значение, в функции определения к существительным *право, дар, желание*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис*, АН СССР, М. 1954, ч. 1, стр. 97; А. Б. Шапиро, *К учению о второстепенных членах предложения в русском языке*, ВЯ 6, 1957, № 2, стр. 71—85.

² R. Mrázek, *Příspevek k teorii jmenného přísudku*, Slovo a slovesnost 28, 1957, стр. 16—29.

³ *Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис*, АН СССР, М. 1954, ч. 1, стр. 386—490.

⁴ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике I—II*, Харьков 1888, стр. 77—78, 105. См. также А. Востоков, *Русская грамматика*¹², 1874, стр. 116; Ф. Буслаев, *Историческая грамматика русского языка*⁵, 1881, § 122; Д. Н. Овсяннико-Куликовский, *Синтаксис русского языка*², 1912, стр. 52.

⁵ А. В. Попов, *Синтаксические исследования*, Воронеж 1881, стр. 30 сл.; K. Lugebil, *AslPh* 8, 1885, 36—68; J. Zubaty, *Věst. Ces. Akad.* 10, 1901, стр. 507—532 (= *Studie a články II*, Praha 1954, стр. 34 сл.); A. Meillet, *La phrase nominale en indo-européen*, *MSL* 14, 1906—1908, стр. 1—26; J. Bloch: *La phrase nominale en sanskrit*, *MSL* 14, 1906—1908, стр. 27—96.

⁶ А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*², 1941, стр. 179.

⁷ Напр. Fr. Bartoš, *Skladba jazyka českého pro školy střední a ústavy učitelské*³, 1882, стр. 2; V. Zikmund, *Mluvnice jazyka českého pro nižší třídy středních škol*², 1874, стр. 228—230.

⁸ Тенденцию к „атомизирующему“ понимаю именного сказуемого мы находим в грамматиках Н. Гебауэра (напр. *Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské*⁴, 1905, стр. 173, 181), последовательно оно было применено В. Эртлем, см. напр. J. Gebauer—V. Ertl, *Mluvnice česká... II*⁹, 1926, стр. 19—20, 38. К этому см. также А. В. Исаченко, *К теории двойственной ветви в словенчине*, журнал *Slovo a tvar*, 1948, 2, стр. 65—75.

⁹ См., например, Ф. Буслаев, указ. соч., § 123, и концепцию А. А. Шахматова (18 видов членов предложения и понятие *второе сказуемое*).

¹⁰ Учебник русского языка (напр. под ред. Л. В. Щербы, Земского—Крючкова—Светлаева, Бархударова—Крючкова, Матийченко) относили сказуемое, содержащее страдательное причастие, к составному именному сказуемому.

¹¹ *Грамматика русского языка, т. II, ч. 1*, стр. 482—489. Введение в этом произведении так наз. сказуемого, выраженного междометием, в качестве четвертого самостоятельного разряда (там же, стр. 489—490), страдает некоторой необдуманностью и вряд ли является нужным, так как в подобных случаях явно ощущается либо активный признак, либо пассивный признак.

¹² Очень скептически высказался о самом понятии связка еще Фр. Миклошич, *Subjunctioe Sätze*³, 1883, стр. 67.

¹³ А. А. Шахматов признавал связкой только формы настоящего времени глагола *быть* (*Синтаксис русского языка*², 1941, стр. 43, 46—47). О том, что разные временные значения не могут мешать формальности связки, высказался еще А. А. Потебня, *Из записок I—II*, стр. 113, 127.

¹⁴ *Грамматика русского языка, т. II, ч. 1*, стр. 416; см. также рассуждения А. М. Пешковского, *Русский синтаксис в научном освещении*⁷, М. 1956, стр. 218—219.

¹⁵ См. А. А. Потебня, *Из записок I—II*, стр. 77—78, 104—105 (Потебня был противником мысли, чтобы одно имя могло быть предикатом); В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*³, Казань 1911, стр. 279, 288; Д. Н. Овсяннико—Куликовский, *Синтаксис русского языка*², 1912, стр. 52; А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*⁷, стр. 256 сл.

¹⁶ Указ. соч., стр. 417. Однако еще А. А. Шахматовым (*Синтаксис русского языка*², стр. 210) бессвязочные предложения выделялись в особую категорию.

¹⁷ Автором предлагаемой статьи была подготовлена к печати статья, рассматривающая проблему чисто номинальных предложений, в особенности по отношению к древнерусскому языку.

¹⁸ См. А. А. Потебня, указ. соч., стр. 106, 499; Д. Н. Овсяннико—Куликовский, указ. соч., стр. 156; А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 42—43, 215, 222, 340.

¹⁹ Подобное различие мы найдем еще у А. Сешен (A. Sechenay), *Essai sur la structure logique de la phrase*, Париж, 1926, стр. 48 сл., 78 сл.

²⁰ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*⁷, стр. 261.

²¹ Правомерной является поэтому мысль А. М. Пешковского о том, что „в сочетании этом мы имеем интересное соединение управления и согласования“ (указ. соч., стр. 231).

²² К проблематике предикативного творительного, который представляет особенность славянских и балтийских языков, см. в сравнительной перспективе V. Jagić, *Beiträge zur slavischen Syntax*, Wien 1899, стр. 49 сл.; E. Fraenkel, *Der prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen*, AslPh 40, 1926, стр. 77—117; А. А. Потехня, *Из записок I—II*, стр. 493 сл. Применительно к чешскому языку напр. Fr. Trávníček, *Historická mluvnické česká 3*, Skladba, 1956, стр. 124 сл. Применительно к русскому см. О. Патокова, *К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке*, *Slavia* 8, 1929, стр. 1—37; Д. Н. Овсяннико—Куликовский, указ. соч., стр. 157—176; Т. П. Ломтев, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, М. 1956, стр. 89—173.

²³ Чем больше степень грамматикализации падежа без предлога или с предлогом, тем слабее проступают в нем теперь разные адвербиальные оттенки.

²⁴ Момент тождества, вещественного совпадения признака или субстанций неоднократно отмечался в научной литературе.

²⁵ Для члена с двусторонним синтаксическим отношением можно было бы употреблять напр. такие названия: предикативно-детерминирующий член, сказуемостное определение, *jmenně-slovesné určení*, *jmenně-dějové určení* (с тем, что всякое „определение“, т. е. детерминант только глагола называлось бы *dějové určení*), *přisuzující určení*, *dvojvztažné určení* (бидетерминант).

²⁶ Термин *изъяснительный* — *obsahový* мы считаем пригодным по двум причинам: 1) он имеет свою аналогию при обозначении придаточных предложений, которые также могут быть либо обязательными, изъяснительными, либо факультативными, дополняющими; 2) среди чешских синтаксистов он получил распространение благодаря употреблению его (в подобном значении) в грамматике Фр. Травничека *Mluvnice spisovné češtiny II*³, 1951, 793—794).

²⁷ Известная неопределенность при размежевании синсемантических и автосемантических глаголов явилась, вероятно, причиной того, что авторы Академической грамматики не решились принципиально отделить их друг от друга и принимают именное сказуемое без семантического ограничения. Впрочем ни здесь, ни в других работах обычно не дается полный перечень полужнаменательных („вспомогательных“, „связочных“ и т. п.) глаголов, и дело обходится каверзными указаниями вроде: „и другие“, „и некоторые другие“.

²⁸ Доказательством субъективности в понимании синсемантических и автосемантических глаголов могут служить семантически довольно неоднородные примеры в разделе о вербономинальном сказуемом В. Шмилауэра (*Novočešská skladba*, 1947, стр. 144 сл.), или в разделе „*obsahové určení*“ в грамматике Фр. Травничека (*Mluvnice spisovné češtiny II*³, стр. 774—775).

²⁹ А. А. Потехня, *Из записок I—II*, стр. 116—118, 299—324; А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*², стр. 353—354.

³⁰ Поэтом в зависимости от степени отвлеченности лексического значения иногда различаются „связочные“ и „полусвязочные“ глаголы.

³¹ Соответствующий термин по-новому вводится в *Грамматике русского языка*, АН СССР, 1954, т. II, ч. 1, стр. 417.

³² А. А. Потехня резко отличал этот тип от других (*Из записок I—II*, стр. 505—507), и говорит здесь об аппозиции, в противоположность предикативному атрибуту. Обособление некоторых аппозиций (по А. А. Шахматову „придаточных сказуемых“) — косвенное свидетельство того, что они исторически могут восходить к самостоятельному номинальному предложению, выполняя в современном языке функцию второстепенной предикации; см. интересную статью В. Грабе (Vl. Grab), *O polohěné vazbě a vedlejší predikaci*, журнал *Československá rusistika*, 1957, № 3, стр. 381—396, а также А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 244, 249—251.

³³ Fr. Trávníček, указ. соч., стр. 764 сл.

³⁴ См. напр. J. Zubatý, *K výkladu některých příslovčí, zvláště slovanských*, *Sborník filologický III*, 1912, стр. 120—167 (= *Studie a články II*, Praha 1954, стр. 106—161).

³⁵ Творительный (в чешском языке член падеж с предлогом) этого типа очень близок предикативному детерминанту. Речь идет, однако, не о формальной обусловленности (*tvařová danost*), а скорее о направленности, интенции глагольного действия. Показательно, что В. Шмилауэр в своей книге *Novočešská skladba* (1947, стр.

146—150) относил подобные случаи еще к глагольно-именному сказуемому, но в своей работе *Učebnice větného rozboru* Графа 1955, стр. 96—97 отказался от такого приема и говорит об обстоятельстве результата действия.

³⁸ А. А. Потебня, *Из записок I—II*; стр. 502; по его терминологии предикативный атрибут и аппозиция.

³⁷ В русской традиции, однако, в этом значении обычно употреблялся термин *составное глагольное сказуемое*. В последнее время обращает на себя внимание статья Йозефа Ружицки (*Jozef Ružička*) *K problémům roztomilých sloves*, журнал *Slovenská reč*, 12, 1957, № 5, стр. 269—271, выдвигающая понятие вспомогательного глагола как синтаксической категории. Мы разделяем мнение автора относительно фазовых и модальных глаголов, но не можем вполне согласиться с его пониманием „связочных вспомогательных глаголов“, так как их синтаксические признаки неоднородны.

³⁸ Совершенно различное содержание, которое придается терминам *сложное глагольное сказуемое* X *сложное именное сказуемое* в *Грамматике русского языка*, АН СССР, 1954, т. II, ч. 1, не является правильным.

³⁹ Указ. соч., стр. 410.

⁴⁰ Там же, стр. 411—416.

⁴¹ То обстоятельство, что некоторые глаголы требуют при себе инфинитив, правильно отмечается А. М. Пешковским в указ. соч., стр. 338. Вообще можно сказать, что разные глаголы могут требовать тот или иной способ „внутренней“, т. е. изъяснительной детерминации (напр. субстантивное дополнение, обстоятельство, инфинитив, придаточное предложение), и что здесь дело идет о направленности, интенции глагольного действия, причем так наз. падежное управление представляет, вероятно, лишь один частный случай такой направленности.

⁴² Напр. Д. Н. Овсяннико—Куликовский, *Синтаксис русского языка*², 1912, стр. 90—92; А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 41.

⁴³ В чешском языке, конечно, глагол *připadati* очень редко может употребляться также в безличных связочных предложениях (напр. *Připadá mi tu útulno*), и потом следует говорить о сложном едином члене. Однако при употреблении в двусоставных предложениях более точным является признавать его глагольным сказуемым, так как напр. содержание предложения *Je zkušený* нельзя модально обусловить при помощи одного только глагола *připadati*, а нужно всегда поставить еще дополнение в дательном падеже. См. наши возражения по поводу статьи Й. Ружицки, указанной в примечании 37.

⁴⁴ Указ соч., т. II, ч. 1, стр. 413, 415.

PROBLÉM PŘÍSUDKU A JEHO KLASIFIKACE

V úvodě (§ 1—4) se obecně upozorňuje na základní otázky, spjaté s pojmem predikace a predikát. V pojetí predikátu — přísudku — pozorujeme v odborné literatuře značnou rozkolísanost, ač právě tato syntaktická kategorie může být klíčem k vybudování uspokojivé obecné teorie větných členů, pojaté jako systém. Dosavadní teoretické rozpory se nepříznivě odrážejí zvláště při sestavování porovnávacích mluvnic slovanských jazyků a vadily by také při vypracování nové srovnávací slovanské skladby. Jádrem problematiky přísudku je rozsah, který se příkládá pojmu jmenný přísudek. Někdy se zaň považuje jen jméno při čisté sponě (*Bratr je zdrav*), jindy i při neplnovýznamových (synsémantických, t. zv. sponových) slovesech (*Bratr vypadá zdrav*), jindy dokonce i při slovesech plnovýznamových, autosémantických (*Bratr se vrátil zdrav*). Jiným ústředním bodem daného tématu je pojem složený přísudek (*Musím odejít, Chci být upřímný*), který do moderní syntaktické teorie proniká hlavně zásluhou jazykovědy ruské a sovětské.

Příliš širokého, „komplexního“ chápání jmenného přísudku je záhodno se vzdát a je třeba přesunout jeho část k přísudku slovesnému (§ 12—15). Syntaktickou celistvost přísudku i jiných větných členů nelze přeceňovat a vycházet přitom z celistvosti významové. Je nemožné neuznávat svéprávnost zvláštního, rozvíjejícího větného členu, který se syntakticky vztahuje ke dvěma větným členům zároveň (§ 10); je to predikativně-determinující člen a bude nutno vyřešit tento pojem i po stránce terminologické; autor doporučuje název predikativní determinant. Do problematiky t. zv. sponových a polosponových sloves lze vnést jasně pouze tím, že se pojem spona vyhradí jen pro sloveso *esse* (*býti, bývat*), v rušt. též vlytв-ся (§ 5). Vnášet do syntaxe sémanticko-lexikální kriteria jako rozhodující není správné.

Pojmu složený přísudek je účelno dát obdobně stejný obsah při přísudku slovesném i jmeném — a také při jednotném členu jednočlenných vět (§ 21—22).

Základní druhy přísudku jsou dva: slovesný a jmený. Písudek slovesný (§ 15) bývá vyjádřen všemi slovesy, vyjímajíc sloveso *esse*, pokud nemá žádný věcný význam. Nepatří k němu ovšem případy, kdy jde o složený přísudek. Rada synsemantických a autosémantických sloves ve funkci slovesného přísudku bývá spolu s podmětem nebo předmětem rozvíjena predikativním determinantem, buď obligátním (= obsahovým, § 9—11) nebo fakultativním (= doplňovacím, § 16—18).

Písudek jmený (§ 5—8) obsahuje obvykle sponu. Nevyjádření spony se pocítuje buď jako řídká stylistická varianta, nebo (na př. v ruštině) jako běžné, negativní vyjádření bezpříznakových gramatických kategorií, t. j. indikativu présenta. Jiná sponová slovesa, která by vytvářela jmený přísudek, autor neuznává.

Zvláštním typem přísudku jmeného je přísudek povahy příslovečné nebo povahy předmětové (*Byl na dovolené, Přednáška bude o Nerudovi*, § 8). Protilehlými významovými póly často se vyskytujícího přísudku příslovečného je vyjádření kvality nebo okolností. Při nevyjádřené sponě nelze ani u přísudku okolnostního v češtině a tím méně v ruštině mluvit o neúplných větách.

Mezi přísudkem slovesným a jmeným osciluje přísudek vyjádřený participiem passivi, neboť u něho proniká buď význam dějový (aktivního příznaku) nebo význam resultativní, kvalitativní (pasivního příznaku) (§ 4).

Písudek složený (celostní) vzniká tak (§ 21—27), že se přisuzovaný příznak vyjádří s hlediska průběhového nebo modálního, a to analyticky (ve smyslu syntaktickém). Vlastní příznak se stává v tomto přísudku jeho významovým jádrem, které tedy může být buď slovesné (*Hodlám odejít*) nebo jmené (*Hodlám být upřímný*); fázové nebo modální slovo je přísudkovým základem složeného přísudku. Zvláštní pozornosti zasluhuje fázová slovesa *státí se, zůstatí* (§ 22—23) a modální sloveso *zdátí se* (§ 26), poněvadž je hodnotíme jako komponenty složeného přísudku, třeba se po stránce formální chovají jako slovesné přísudky s rozvíjejícím členem, kterým bývá často predikativní determinant (*Stal se hercem, Zůstal klidný*).

DAS PROBLEM DES PRÄDIKATS UND SEINER KLASSIFIZIERUNG

Die Einleitung (§ 1—4) bringt eine allgemeine Zusammenfassung der mit dem Begriff des Prädikats und der Prädikation verknüpften Grundfragen. Obzwar diese grammatische Kategorie einen Grundstein bei der Ausbildung einer befriedigenden allgemeinen Theorie der Satzglieder darstellen könnte, zeigt die betreffende Fachliteratur in der Auffassung des Prädikats beträchtliche Divergenzen auf. Die bisherigen theoretischen Widersprüche wirken sich besonders bei der Ausarbeitung der Grammatik einzelner slawischen Sprachen ungünstig aus und könnten selbstverständlich auch der Arbeit an einer neuen vergleichenden slawischen Syntax im Wege stehen. Die Kernfrage der mit dem Prädikat verknüpften Problematik ist der Umfang, den man dem Begriff „Nominalprädikat“ verleiht. Einmal bedeutet er das mit der bloßen Kopula stehende Nomen (*Bratr je zdráv*), das anderermal das mit den synsemantischen, sog. kopalativen Zeitwörtern verknüpfte Nomen (*Bratr vypadá zdráv*), oder sogar das Nomen, das mit den voll- oder autosemantischen Verben steht (*Bratr se vrátil zdráv*). Einen anderen Mittelpunkt des gegebenen Themas bildet der Begriff des zusammengesetzten Prädikats (*Musím odejít, Chci být upřímný*), der in die moderne Theorie der Syntax vor allem dank der russischen und sowjetischen Sprachwissenschaft eindringt.

Es ist unumgänglich, auf die allzu breite, „komplexe“ Auffassung des Begriffs „Nominalprädikat“ zu verzichten und einen Teil dessen dem Verbalprädikat anzugliedern (§ 12—15). Die syntaktische Integrität des Prädikats, als auch der anderen Satzglieder sollte man nicht überschätzen und dabei von der semantischen Integrität auszugehen. Es ist nicht möglich, die Berechtigung eines besonderen erweiternden (bestimmenden) Satzgliedes zu leugnen, das sich in syntaktischer Hinsicht auf zwei Satzglieder bezieht (§ 10); es ist das prädikativ-determinierende Glied und seine Kategorie muß auch in terminologischer Hinsicht gelöst werden; der Verfasser schlägt den Begriff „der prädikative Determinant“ vor. Die Problematik der sog. kopalativen und halbkopalativen Zeitwörter kann sich nur dadurch klären, daß man den Begriff der Kopula ausschließlich dem Zeitwort „esse“ einräumt (im Tschech. *býti, bývatí*, im Russ. auch *являться*) (§ 5). Es ist falsch, semantisch-lexikalisches Maßstäbe auf den Bereich der Syntax als maßgebend zu übertragen. Was den Begriff des zusammengesetzten Prädikats angeht, erscheint es als zweckmäßig, ihm analogisch denselben Inhalt bei dem

Nominal- und dem Verbalprädikat — als auch bei dem Hauptglied der eingliedrigen Sätze — zu verleihen (§ 21—22).

Die zwei Grundarten des Prädikats sind das Verbalprädikat und das Nominalprädikat. Das Verbalprädikat wird durch alle Zeitwörter ausgedrückt (§ 15), mit Ausnahme des Zeitworts „esse“, insofern dieses Zeitwort keine sachliche Bedeutung hat. Dem Verbalprädikat gehören freilich nicht solche Fälle an, wenn es sich um ein zusammengesetztes Prädikat handelt. Eine Reihe von synsemantischen und autosemantischen Zeitwörtern werden in der Funktion des Verbalprädikats gemeinsam mit dem Subjekt oder dem Objekt durch den prädikativen Determinanten, und zwar entweder durch den obligaten (inhaltlichen, § 9—11) oder den fakultativen (ergänzenden, § 16—18) Determinanten erweitert.

Das Nominalprädikat (§ 5—8) enthält gewöhnlich die Kopula. Das Ausbleiben der Kopula wird entweder als eine seltene stilistische Variante, oder (im Russischen) als der übliche negative Ausdruck der merkmallosen grammatischen Kategorien, d. h. des Ind. Praes., empfunden. Andere kopulative Verba, die das Nominalprädikat bilden sollten, werden vom Verfasser nicht anerkannt.

Einen besonderen Typ des Nominalprädikats bildet das Prädikat vom Adverbial- oder Objektcharakter (*Byl na dovolené, Přednáška bude o Nerudovi*, § 8). Als entgegengesetzte semantische Pole des häufig vorkommenden adverbialen Prädikats erscheinen der Ausdruck der Qualität oder des Umstands. Im Falle der ausgebliebenen Kopula kann man weder bei dem tschechischen, noch weniger aber bei dem russischen Umstandsprädikat von unvollständigen Sätzen sprechen.

Zwischen dem Verbal- und dem Nominalprädikat schwankt das mit Hilfe des Part. Pass. ausgedrückte Prädikat, denn bei diesem tritt entweder die handlungmäßige Bedeutung oder die resultative, qualitative Bedeutung in den Vordergrund (§ 4).

Das zusammengesetzte Prädikat entsteht auf solche Weise, daß man das prädierte Merkmal vom Standpunkt des Verlaufs oder der Modalität ausdrückt, und zwar analytisch (in syntaktischer Bedeutung) (§ 21—27). Das eigentliche Merkmal wird in diesem Prädikat zum bedeutungstragenden Kern des Prädikats, das also entweder verbalen (*Hodlám odejít*) oder nominalen (*Hodlám být upřímný*) Charakters sein kann. Das Verlaufs- oder das Modalwort bildet die prädikative Grundlage des zusammengesetzten Prädikats. Eine besondere Aufmerksamkeit gebührt den Verlaufszeitwörtern *státi se, zůstati* (werden, bleiben, § 22—23) und dem Modalzeitwort *zdáti se* (scheinen, § 26), da wir diese als Komponenten des zusammengesetzten Prädikats auffassen, obzwar sie sich als Verbalprädikate mit erweiterndem Glied verhalten, als welches häufig der prädikative Determinant auftritt (*Stal se hercem, Zůstal klidný*).

Übersetzt von M. Beck